

УДК 343:004
DOI: 10.19073/2658-7602-2024-21-4-621-635
EDN: NUF SWT

Оригинальная научная статья

Место совершения киберпреступления

Р. Д. Шарапов

*Санкт-Петербургский юридический институт (филиал) Университета прокуратуры
Российской Федерации, Санкт-Петербург, Российская Федерация;*

*Санкт-Петербургская Академия Следственного комитета Российской Федерации,
Санкт-Петербург, Российская Федерация*

✉ srd72@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена уголовно-правовой характеристике места совершения киберпреступлений – преступлений, совершённых с использованием электронных или информационно-телекоммуникационных сетей, в том числе сети «Интернет». Раскрывается значение понятия места совершения преступления в уголовном и уголовно-процессуальном праве, содержание возможных подходов к определению общего понятия места совершения преступления, с которым уголовное и уголовно-процессуальное право связывают специфические правовые последствия: специально-отраслевого (понятие вырабатывается применительно к тем задачам, которые соответствующая отрасль связывает с данным вопросом) и общеправового (предполагает выработку унифицированного понятия места совершения преступления, применимого для решения задач любой отраслевой принадлежности). Констатируется, что любой из подходов предполагает выработку понятия места совершения преступления на основании юридической фикции, т. е. место совершения преступления формально-юридически будет привязано к месту территориальной локализации какого-то одного из признаков состава преступления (обычно это место совершения деяния и (или) место наступления общественно опасного последствия). Исходя из результатов анализа разъяснений Пленума Верховного Суда Российской Федерации и складывающейся судебной практики, сделан вывод о том, что в понимании места совершения преступления как для целей уголовного права, так и для целей уголовно-процессуального права превалирует идея об определении места преступления временем его совершения (ч. 2 ст. 9 Уголовного кодекса Российской Федерации). Местом совершения преступления надлежит считать то место, в котором совершено общественно опасное действие (бездействие), независимо от места наступления последствий. Анализируются вопросы определения места совершения киберпреступлений с учетом особенностей сложной конструкции их объективной стороны. Местом совершения единого киберпреступления, объективная сторона которого выразилась в совершении нескольких противоправных действий, разделенных между собой как темпорально, так и территориально, надлежит считать место совершения каждого из указанных действий. При этом такое преступление с уголовно-процессуальной точки зрения следует считать «начатым в одном месте, а оконченным в другом месте», что определяет подследственность и подсудность уголовного дела по «месту окончания преступления» (понимаемого не в уголовно-правовом, а в уголовно-процессуальном смысле), т. е. по месту совершения последнего деяния, входящего в объективную сторону состава преступления (ч. 2 ст. 32, ч. 2 ст. 152 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации).

Ключевые слова: киберпреступление, место преступления, преступление в сети «Интернет», преступление с использованием информационно-телекоммуникационных сетей, подследственность, подсудность приговора, действие уголовного закона в пространстве, территориальная юрисдикция

Конфликт интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Для цитирования: Шарапов Р. Д. Место совершения киберпреступления // Сибирское юридическое обозрение. 2024. Т. 21, № 4. С. 621–635. DOI: <https://doi.org/10.19073/2658-7602-2024-21-4-621-635>. EDN: <https://elibrary.ru/nufswt>

Original scientific article

The Place of Cybercrime

R. D. Sharapov

*St. Petersburg Law Institute (branch) of the University of prosecutor's office of the Russian Federation,
Saint Petersburg, Russian Federation;*

Saint Petersburg Academy of the Investigative Committee of the Russian Federation,

Saint Petersburg, Russian Federation

✉ srd72@mail.ru

Abstract. This article addresses the criminal-legal characteristics of the location of cybercrimes – offenses committed using electronic or information and telecommunications networks, including the Internet. The concept of the crime's location in criminal and criminal procedural law is examined, including possible approaches to defining a unified concept of location, which is associated with specific legal consequences in criminal and criminal procedural law: sector-specific (focused on issues within a specific field) and cross-sectoral (aiming for a universal definition applicable across fields). It is noted that all approaches require defining the crime's location based on legal fiction. This means the crime's location is formally tied to the territorial localization of one of the crime's elements (usually the place of action and/or the place of social harm). Based on the explanations provided by the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation and current judicial practice, it is concluded that both criminal and procedural law regard the crime's location as determined by the time of its commission (as per Article 9, Part 2, of the Criminal Code of the Russian Federation). Therefore, the location of a crime is considered to be where the socially dangerous action (or inaction) occurred, regardless of where the consequences took place. The article also analyzes issues surrounding the determination of cybercrime locations, considering the complex design of their objective aspects. The location of a single cybercrime involving several illegal actions, separated in both time and space, should be considered the location of each action. Procedurally, such a crime is regarded as “initiated in one place and completed in another”, which affects jurisdiction based on the “place of completion” (interpreted in procedural, rather than criminal, terms). This is typically the place where the final act that constitutes part of the crime occurred (per Article 32, Part 2, and Article 152, Part 2, of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation).

Keywords: cybercrime, crime scene, crime on the Internet, crime using information and telecommunication networks, jurisdiction, jurisdiction of the sentence, the action of criminal law in space, territorial jurisdiction

Conflict of interest. The Author declares no conflict of interest.

For citation: Sharapov R. D. The Place of Cybercrime. *Siberian Law Review*. 2024;21(4):621-635. DOI: <https://doi.org/10.19073/2658-7602-2024-21-4-621-635>. EDN: <https://elibrary.ru/nufswt> (In Russ.).

ВВЕДЕНИЕ

Вопрос о том, что считать местом совершения преступления, имеет как уголовно-правовое, так и уголовно-процессуальное значение. Неслучайно место совершения преступления входит в число обстоятельств, подлежащих доказыванию по уголовному делу (п. 1

ч. 1 ст. 73 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее – УПК РФ)), указывается в обвинительном заключении и иных итоговых актах предварительного расследования (ст.ст. 220, 225, 226⁷ УПК РФ), а также в обвинительном приговоре (ст. 307 УПК РФ). Ошибки в его установлении оборачиваются

отменой процессуальных решений с возвращением уголовного дела прокурору на основании ст. 237 УПК РФ для устранения препятствий его рассмотрения судом¹.

Уголовно-правовое значение этого вопроса заключается в том, что, во-первых, в зависимости от места совершения преступления применяются правила действия российского уголовного законодательства в пространстве (ст.ст. 11, 12 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ)), во-вторых, место совершения преступления может иметь значение для квалификации содеянного в случаях, когда оно предусмотрено в статье Особенной части УК РФ в качестве криминообразующего (конститутивного) или квалифицирующего признака состава преступления (например, ст. 243², пп. «в», «г» ч. 1 и ч. 2 ст. 256, п. «г» ч. 1 ст. 258, ст. 313, ст. 337 УК РФ и др.).

Уголовно-процессуальное значение вопроса состоит в том, что в зависимости от места совершения преступления (места совершения деяния, содержащего признаки преступления) определяется территориальная подсудность уголовного дела (ст. 32 УПК РФ), а также его территориальная подследственность (ст. 152 УПК РФ).

В отличие от времени совершения преступления (ч. 2 ст. 9 УК РФ) понятие места совершения преступления ни в уголовном, ни в уголовно-процессуальном законодательстве РФ не определено. В практике уголовного судопроизводства это приводит порой к весьма существенным затруднениям при решении рассматриваемого вопроса применительно к преступлениям, признаки объективной стороны которых не имеют территориальной привязки к какому-либо одному месту. Таковыми могут быть продолжаемые, составные, альтернативные и для-

щиеся преступления, состоящие либо из множества противоправных деяний, совершённых в разных географических местах, либо из одного деяния, непрерывно совершаемого виновным при его передвижении в пространстве, а также преступления, характеризующиеся тем, что противоправные действия (бездействия) виновным совершены в одном месте, однако общественно опасные последствия наступили в другом месте.

ПОНЯТИЕ МЕСТА СОВЕРШЕНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЯ В УГОЛОВНОМ И УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОМ ПРАВЕ

Принципиальное решение вопроса о том, что считать местом совершения преступления, может быть достигнуто в рамках одного из двух подходов.

Первый подход (назовем его специально-отраслевым) заключается в том, что вопрос о месте совершения преступления решается как бы изолированно, в рамках отдельной отрасли права применительно к тем задачам, которые соответствующая отрасль связывает с данным вопросом.

Для уголовно-процессуального права к числу таких задач относится регламентация правил определения территориальной подследственности и территориальной подсудности. То, как может решаться вопрос о месте совершения преступления для определения подследственности и подсудности уголовных дел, демонстрирует развернувшаяся в теории и на практике дискуссия о месте совершения хищений безналичных и электронных денежных средств, которые чаще всего совершаются с использованием сети «Интернет» [1, с. 96–100; 2, с. 43–44; 3, с. 51–53; 4, с. 51–53; и др.]. Так, по данным одного из исследований, местом преступления судами признавалось: место нахождения подразделения банка или иной

¹ Апелляционное постановление Московского городского суда от 27 июня 2022 г. по делу № 10-11882/2022. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

организации, в котором владельцем денежных средств был открыт банковский счет или где открыт банковский счет, которым может распоряжаться обвиняемый; местонахождение владельца денежных средств; местонахождение платежных терминалов (местонахождение серверного оборудования), через которые потерпевшие осуществили перевод электронных денежных средств; местонахождение лица, подозреваемого в совершении преступления, равно как и место, где были обнаружены следы преступления; место, где имущество стало подконтрольным виновному; место, где совершены действия, направленные на безналичный перевод денежных средств [5, с. 49–62].

В уголовном праве вопрос о месте совершения преступления разрабатывается главным образом применительно к правилам определения национально-территориальной уголовной юрисдикции в отношении лиц, совершивших преступления на территории Российской Федерации или за ее пределами, и также не получил единообразного толкования. Из множества позиций, представленных в доктринальных источниках² [6], наиболее распространены две.

Согласно одной точке зрения местом совершения преступления целесообразно считать любое из мест, в котором начато, продолжилось или было окончено

преступление на территории Российской Федерации. Это означает, что если общественно опасное деяние (или хотя бы его часть) совершено за пределами Российской Федерации, однако общественно опасное последствие наступило на территории Российской Федерации, равно как и наоборот, то местом преступления будет считаться территория Российской Федерации³. Такая трактовка соответствует подходу, получившему закрепление во многих уголовных законах государств мира⁴ [7, с. 68–72], основана на предписаниях ст. 13 Модельного Уголовного кодекса для государств – участников Содружества Независимых Государств⁵, признается максимально учитывающей необходимость уголовно-правовой охраны национальных интересов Российской Федерации и предлагается к реализации путем внесения соответствующих изменений в ст. 11 УК РФ⁶ [8, с. 128; 9, с. 37–39; и др.].

Согласно другой точке зрения место совершения преступления должно определяться исходя из места выполнения виновным лицом противоправного деяния, независимо от места наступления общественно опасного последствия⁷. Данная позиция опирается на формально-юридические основания, связанные с тем, что, во-первых, время (ч. 2 ст. 9 УК РФ) и место преступления не должны

² Цай К. А. Уголовно-правовая юрисдикция: теоретические вопросы действия уголовного закона в пространстве : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2017. с. 120–122.

³ См., напр.: Есаков Г. А., Парог А. И., Чучаев А. И. Настольная книга судьи по уголовным делам / отв. ред. А. И. Парог. М. : Проспект, 2007. 569 с. ; Научно-практическое пособие по применению УК РФ / В. П. Верин, С. А. Ворожцов, В. В. Демидов и др. ; под ред. В. М. Лебедева. М. : НОРМА, 2005. 919 с.

⁴ Цай К. А. Указ. соч. С. 120.

⁵ Модельный Уголовный кодекс для государств – участников Содружества Независимых Государств : принят постановлением Межпарламент. Ассамблеи государств – участников СНГ 17 февр. 1996 г. Доступ из СПС «Гарант».

⁶ См., напр.: Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации : в 3 т. / П. В. Агапов, Д. А. Безбородов, Я. Ю. Васильева [и др.]. 2-е изд., перераб. и доп. М. : Проспект, 2023. Т. 1. С. 62–63 ; Курс уголовного права. Общая часть. М. : Зерцало-М, 2002. Т. 1: Учение о преступлении : учеб. для вузов / Н. Е. Крылова, Н. Ф. Кузнецова, И. М. Тяжкова. С. 94.

⁷ Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации (постатейный) : в 4 т. / А. В. Бриллиантов, А. В. Галахова, В. А. Давыдов и др. ; отв. ред. В. М. Лебедев. М. : Юрайт, 2017. Т. 1: Общая часть ; Уголовное право России. Общая часть : учеб. / В. В. Бабурин [и др.] ; отв. ред. д-р юрид. наук, проф. Р. Д. Шарапов. Тюмень : Тюмен. ин-т повышения квалификации сотрудников МВД России, 2013. С. 66.

разрываться⁸ [10, с. 124; 11, с. 4–5], во-вторых, подобным образом место преступления определяется в некоторых международных договорах Российской Федерации⁹, в-третьих, эта позиция находит поддержку в судебной практике¹⁰.

Так, отказывая в удовлетворении надзорной жалобы защитника, утверждавшего, что уголовное дело о мошенничестве расследуется в нарушение правил, установленных ст. 152 УПК РФ, поскольку банковский счет обвиняемого, на который потерпевшим были перечислены денежные средства, открыт в иностранном банке, что вообще исключает привлечение обвиняемого к уголовной ответственности на территории РФ, суд признал эти доводы не основанными на законе. Опираясь на понятия «место совершения преступления» и «момент окончания преступления», защитник подменял одно другим. Вместе с тем, как указал суд, «местом совершения преступления по общему правилу признается место совершения общественно опасного действия независимо от места наступления последствий. Это означает, что территория РФ будет местом совершения преступления, если хотя бы один из системы волевых физических актов, образующих действие как признак объективной стороны преступления, совершен на территории России, определяемой в соответствии с чч. 1–3 ст. 11 УК РФ»¹¹.

Специально-отраслевой подход к определению места совершения преступления сконцентрирован на выработке данного понятия исключительно в служебных целях, диктуемых правовым режимом конкретной отрасли права, или даже для ре-

шения узкоотраслевой задачи правового регулирования отдельного правоотношения (группы правоотношений). Поэтому при таком подходе понятие места совершения преступления может иметь иную трактовку в уголовно-процессуальном праве по сравнению с трактовкой в уголовном.

Второй подход в решении обсуждаемого вопроса (назовем его общеправовым) предполагает выработку унифицированного понятия места совершения преступления, применимого для решения задач любой отраслевой принадлежности. Поскольку, как и время совершения преступления, понятие места его совершения не может быть выработано в отрыве от признаков состава преступления, определяющих территориальное бытие преступного поведения человека, то следует признать, что ведущая роль в выработке такого единого для всех отраслей права и законодательства понятия принадлежит материальному уголовному праву. Закономерным следствием реализации такого подхода является нормативное закрепление легального определения понятия места совершения преступления в уголовном законе, ликвидация терминологических различий в наименовании этого понятия в УК РФ и УПК РФ (пока такое различие наблюдается в ст. 32 и ст. 152 УПК РФ), актуализация системной взаимосвязи законоположений в той их части, в которой упоминается понятие места совершения преступления, путем системного толкования законодательства или формулирования отсылочных юридических норм.

⁸ См., напр.: Князев А. Г. Действие уголовного закона в пространстве : дис. ... канд. юрид. наук. Ульяновск. 2006. С. 19 ; Пудовочкин Ю. Е. Учение об уголовном законе : лекции. М., 2014. С. 203.

⁹ Договор об особенностях уголовной и административной ответственности за нарушения таможенного законодательства таможенного союза и государств – членов таможенного союза : подписан в г. Астане 5 июля 2010 г. // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2012. № 32, ст. 4476.

¹⁰ Обзор судебной практики Верховного Суда РФ за первый квартал 2001 года // Бюл. Верхов. Суда Рос. Федерации. 2001. № 10. С. 19–20.

¹¹ Постановление Московского городского суда от 25 июня 2012 г. № 4у/4-4809. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

Вне зависимости от того, какой из предложенных подходов будет использован для выработки понятия места совершения преступления, как можно предположить, в основании определения этой правовой категории будет лежать юридическая фикция, т. е. место совершения преступления формально-юридически будет привязано к месту территориальной локализации какого-то одного из признаков состава преступления (обычно это место совершения одного или нескольких действий (бездействия) или место наступления общественно опасного последствия) либо любого из этих признаков. Избежать фикции возможно при условии, если считать местом преступления всю совокупность мест, в которых территориально совершалось преступление от начала первого деяния и заканчивая наступлением последнего общественно опасного последствия [12, с. 123, 128].

ОПРЕДЕЛЕНИЕ МЕСТА СОВЕРШЕНИЯ КИБЕРПРЕСТУПЛЕНИЯ В СУДЕБНОЙ ПРАКТИКЕ

В правоприменительной практике вопрос о месте совершения преступления наиболее часто вызывает сложности по уголовным делам о так называемых киберпреступлениях¹² [13], т. е. преступлениях, совершённых с использованием электронных или информационно-телекоммуникационных сетей, в том числе сети «Интернет». Особенности дистанционного способа таких преступлений, которые состоят в том, что преступник, совершающий противоправные действия с использованием компьютерных устройств, может находиться в одном географическом месте, тогда как общественно опасные последствия наступают

в другом месте, в то время как потерпевший может пребывать в совершенно ином месте, дезориентируют правоприменителей при решении указанного вопроса, что, в свою очередь, приводит к затруднениям в применении законоположений о действии уголовного закона в пространстве [14], но еще чаще – к разному в выборе территориальной подследственности и подсудности уголовных дел.

Острота проблемы в значительной степени снята благодаря согласованным позициям Пленума Верховного Суда Российской Федерации (далее – Пленум), принятым в декабре 2022 г. В частности, в п. 19 постановления от 15 декабря 2022 г. № 37 «О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях в сфере компьютерной информации, а также иных преступлениях, совершённых с использованием электронных или информационно-телекоммуникационных сетей, включая сеть “Интернет”» (далее – Постановление Пленума № 37) указано: «При определении места совершения преступлений с использованием электронных или информационно-телекоммуникационных сетей, в том числе сети “Интернет”, и, соответственно, территориальной подсудности уголовного дела судам необходимо учитывать, что доступ к данной сети может осуществляться с помощью различных компьютерных устройств, в том числе переносных (мобильных). Местом совершения такого преступления является место совершения лицом действий, входящих в объективную сторону состава преступления (например, при публичных призывах к осуществлению экстремистской деятельности – территория, на которой лицом использовалось компьютерное устройство для направления другому лицу

¹² В учебно-методическом пособии «Серия университетских модулей: Киберпреступность», разработанном под эгидой ООН, киберпреступление определяется как действие, нарушающее закон, которое совершается с использованием информационно-коммуникационных технологий (ИКТ) и либо нацелено на сети, системы, данные, веб-сайты и/или технологии, либо способствует совершению преступления (*Кратко о киберпреступности* // Управление ООН по наркотикам и преступности. URL: <https://www.unodc.org/e4j/ru/cybercrime/module-1/key-issues/cybercrime-in-brief.html> (дата обращения: 05.03.2024)).

электронного сообщения, содержащего такие призывы, независимо от места нахождения другого лица, или использовалось компьютерное устройство для размещения в сети “Интернет” информации, содержащей призывы к осуществлению экстремистской деятельности)»).

Таким образом, Пленум разъяснил, что местом совершения киберпреступления является то место, в котором виновным совершены противоправные действия, входящие в объективную сторону состава преступления. Это означает, что территориальная локализация других признаков объективной стороны состава преступления (общественно опасных последствий, характеризующих причинную связь местонахождения потерпевшего, на которого виновный воздействует путем передачи компьютерной информации¹³, местонахождения компьютерных устройств, используемых виновным удаленно, территории охвата проводных и беспроводных сетей) не имеет значения для определения места преступления. Для правильного уяснения правовой позиции приведен пример определения места совершения преступления, предусмотренного ч. 2 ст. 280 УК РФ (территория, на которой лицом использовалось компьютерное устройство).

Одновременно с принятием указанного разъяснения Пленум внес изменения аналогичного свойства в два других постановления, ранее разъяснявших вопрос о месте окончания мошенничества и кражи, предметом которых являются безналичные или электронные денежные средства (до внесения соответствующих

изменений местом окончания таких преступлений являлось место нахождения подразделения банка или иной организации, в котором владельцем денежных средств был открыт банковский счет или велся учет электронных денежных средств без открытия счета).

Местом совершения кражи с банковского счета, а равно кражи в отношении электронных денежных средств (п. «г» ч. 3 ст. 158 УК РФ), исходя из особенностей предмета и способа данного преступления, является, как правило, место совершения лицом действий, направленных на незаконное изъятие денежных средств (например, место, в котором лицо с использованием чужой или поддельной платежной карты снимает наличные денежные средства через банкомат либо осуществляет путем безналичных расчетов оплату товаров или перевод денежных средств на другой счет)¹⁴.

Местом совершения мошенничества, состоящего в хищении безналичных денежных средств, исходя из особенностей предмета и способа данного преступления, является, как правило, место совершения лицом действий, связанных с обманом или злоупотреблением доверием и направленных на незаконное изъятие денежных средств¹⁵.

Оговорка «как правило», означающая исключение из общего правила, связана, согласно выдвинутому предположению, с возможностью иной интерпретации места совершения хищения безналичных денежных средств в случаях, когда точное местонахождение преступника в момент совершения противоправных действий

¹³ Действия потерпевшего, введенного в заблуждение со стороны виновного, по передаче последнему имущества (права на имущество), согласно одному из мнений, находятся за границами деяния, вменяемого субъекту мошенничества, становясь уже частью причиняющей цепочки [15].

¹⁴ См. п. 25.2 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 27 декабря 2002 г. № 29 «О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое» (в ред. Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 15 дек. 2022 г. № 38) (Доступ из СПС «КонсультантПлюс»).

¹⁵ См. абз. 3 п. 5 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 30 ноября 2017 г. № 48 «О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате» (в ред. Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 15 дек. 2022 г. № 38) (Доступ из СПС «КонсультантПлюс»).

установить не удалось, ввиду, например, его перемещения на транспортном средстве¹⁶.

Принятые разъяснения адресованы судам для определения территориальной подсудности уголовных дел, что подтверждается не только прямым упоминанием об этом в Постановлении Пленума № 37, но и параллельно данными указаниями о необходимости определять подсудность уголовных дел о краже и мошенничестве, предметом которых являются безналичные или электронные денежные средства, по месту совершения лицом действий, направленных на незаконное изъятие денежных средств¹⁷.

Очевидно, что эти разъяснения пригодны для использования органами предварительного расследования при установлении места совершения деяния, содержащего признаки преступления, в зависимости от которого определяется территориальная подсудность уголовного дела (ч. 1 ст. 152 УПК РФ).

В итоге, если, например, «при совершении лицом в городе А. в отношении потерпевшего, находившегося в тот момент в городе Б., обманных действий, в результате которых потерпевший переводит денежные средства с банковского счета, который находится в городе М., на счет банка в городе С., расследоваться мошенничество должно в городе А., там же и должно быть рассмотрено судом» [5, с. 62].

Определение Пленумом места совершения преступления с использованием информационно-телекоммуникационной

сети соответствует более ранней правовой позиции высшей судебной инстанции по вопросу о месте совершения административного правонарушения. Таковым является место совершения противоправного действия независимо от места наступления его последствий, а если такое деяние носит длящийся характер, – место окончания противоправной деятельности, ее пресечения; если правонарушение совершено в форме бездействия, то местом его совершения следует считать место, где должно было быть совершено действие, выполнена возложенная на лицо обязанность¹⁸. Вместе с тем данное разъяснение было дано также применительно к решению узкоотраслевой задачи – определению подсудности по делам об административных правонарушениях, – общее правило которой заключается в том, что дело рассматривается по месту совершения правонарушения (ч. 1 ст. 29.5 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях (далее – КоАП РФ)), без указания на то, что соответствующим разъяснением нужно руководствоваться при определении действия законодательства об административных правонарушениях в иностранстве (ст. 1.8 КоАП РФ).

Из всего сказанного пока нельзя сделать вывод о том, что в трактовке места совершения киберпреступления Пленум исходил из общеправового подхода, направленного на унификацию соответствующего понятия и делающего его пригодным для целей не только уголовно-процессуального права, но и уголовного.

¹⁶ Степанов П. П., Грибанова Д. В. Место совершения хищения безналичных денег и территориальная подсудность уголовного дела. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=MlRcrFBp0nU> (дата обращения: 05.03.2024).

¹⁷ См. п. 25.3 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 27 декабря 2002 г. № 29 «О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое» (в ред. Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 15 дек. 2022 г. № 38), п. 5.1 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 30 ноября 2017 г. № 48 «О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате» (в ред. Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 15 дек. 2022 г. № 38) (Доступ из СПС «КонсультантПлюс»).

¹⁸ См. абз. 17 п. 3 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 24 марта 2005 г. № 5 «О некоторых вопросах, возникающих у судов при применении Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях». (Доступ из СПС «КонсультантПлюс»).

В то же время необходимо подчеркнуть значимость того факта, что вышеприведенные разъяснения Верховного Суда РФ, пусть они продиктованы главным образом потребностью в оптимизации нагрузки судов исходя из территориальной подсудности, в своей совокупности выражают выдвинутую в доктрине уголовного права идею о том, что место совершения преступления определяется временем его совершения, и наоборот. Эти неразрывно связанные между собой физические величины характеризуют юридическое темпорально-пространственное измерение преступления как правового явления. Логика этой идеи диктует следование следующему положению: местом совершения преступления нужно считать то место, в котором протекает время преступления. Поскольку понятие последнего нормативно определено (ч. 2 ст. 9 УК РФ), то местом совершения преступления надлежит считать то место, в котором совершено общественно опасное действие (бездействие), независимо от места наступления последствий.

Примечательно, что сформулированная Пленумом позиция находит объяснение в том числе благодаря тому обстоятельству, что в последние годы «суды стали исходить из того, что по смыслу уголовно-процессуального закона (ст. 32 УПК РФ) место совершения преступления неразрывно связано со временем его совершения (ч. 2 ст. 9 УК РФ)» [5, с. 62].

Вопросы определения места совершения сложных единичных киберпреступлений

Особенность способа совершения киберпреступления состоит в том, что виновный использует информационно-телекоммуникационную сеть с противоправной целью, производя телодвижения (действия), направленные на манипулирование компьютерным устройством, с помощью которого осуществляется доступ

к этой сети. Таким образом, если деяние, образующее объективную сторону киберпреступления, исчерпывается только противоправным использованием информационно-телекоммуникационной сети (п. «д» ч. 3 ст. 110¹, ч. 2 ст. 110², ч. 2 ст. 128¹ УК РФ и т. п.), то место, в котором виновный совершает указанные телодвижения, проще говоря, место его фактического нахождения в этот момент, и будет считаться местом совершения преступления.

Применение описанного правила к киберпреступлениям, объективная сторона которых выполнена виновным путем совершения всех противоправных действий в одном и том же месте, затруднений не вызывает (например, размещение клеветнической информации на странице интернет-сайта при помощи стационарного компьютера, находящегося в конкретном месте). Сложности возникают с определением места совершения таких киберпреступлений, объективная сторона которых будто бы растянута в пространстве, т. е. выражается в совершении виновным нескольких противоправных действий в разных местах.

В частности, вопрос о месте совершения киберпреступления способен вызвать затруднения:

– если действия субъекта по использованию информационно-телекоммуникационной сети носили продолжаемый характер и совершались им в разных местах, географически отдаленных друг от друга (например, в различных населенных пунктах или странах). Неслучайно в п. 19 Постановления Пленума № 37 обращается внимание судов на необходимость учитывать то, что доступ к информационно-телекоммуникационной сети может осуществляться с помощью различных компьютерных устройств, в том числе переносных (мобильных);

– когда наряду с использованием компьютерного устройства для доступа к информационно-телекоммуникационной

сети субъект совершает в другом месте иные противоправные действия, входящие в объективную сторону преступления. Например, к таким составам преступлений со сложной структурой объективной стороны относится сбыт наркотиков (п. «б» ч. 2 ст. 228¹ УК РФ), допускающий возможность совершения виновным целого комплекса разделенных по времени и месту противоправных действий, в том числе с использованием информационно-телекоммуникационной сети¹⁹. К этой группе преступлений относятся также деяния, предусмотренные п. «г» ч. 2 ст. 245, п. «б» ч. 2 ст. 258¹, п. «б» ч. 3 ст. 260¹ УК РФ.

Так, в соответствии с п. «г» ч. 2 ст. 245 УК РФ, предусматривается более строгая уголовная ответственность за жестокое обращение с животным, совершённое с публичной демонстрацией, в том числе в средствах массовой информации или информационно-телекоммуникационных сетях (включая сеть «Интернет»). Очевидно, что в структуре состава преступления рассматриваемый квалифицирующий признак характеризует обстановку преступления, когда жестокое обращение с животным совершается виновным в присутствии других лиц, являющихся очевидцами посягательства (например, расправа с животным на многолюдной улице, совершение акта жестокого обращения в качестве зрелищного мероприятия и т. п.). Однако возникает вопрос: может ли инкриминироваться указанный квалифицирующий признак в случае, когда публичная демонстрация жестокого обращения с животным необязательно сопутствует по времени и месту совершению деяния,

предусмотренного ч. 1 ст. 245 УК РФ (например, при прямой трансляции акта преступления в сети «Интернет»), но следует за его совершением (например, виновный с заранее возникшим умыслом производит видео- или фотосъемку жестокого обращения с животным, совершаемого в одном месте, и затем, находясь в другом месте, размещает видеозапись или фотоснимки в сети «Интернет» для всеобщего обозрения пользователей данной сети, используя для этого компьютерное устройство)?

В правоприменительной практике имеются судебные решения, положительно отвечающие на поставленный вопрос²⁰. Основой таких решений, как представляется, может быть п. 20 Постановления Пленума № 37, разъясняющий, что электронные или информационно-телекоммуникационные сети, включая сеть «Интернет», могут использоваться для выполнения хотя бы одного из умышленных действий, в том числе входящих в объективную сторону преступления. Публичная демонстрация жестокого обращения с животными, в том числе в средствах массовой информации или информационно-телекоммуникационных сетях (включая сеть «Интернет»), иным признаком, кроме как входящим в объективную сторону состава преступления, признаваться не может.

В таком случае преступление, предусмотренное п. «г» ч. 2 ст. 245 УК РФ, надлежит считать юридически оконченным не с момента гибели или увечья животного, а с момента публичного показа или размещения для публичного обозрения соответствующих видео- или фотоматериалов (например, размещение информации

¹⁹ См. п. 13.2 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 15 июня 2006 г. № 14 «О судебной практике по делам о преступлениях, связанных с наркотическими средствами, психотропными, сильнодействующими и ядовитыми веществами» (в ред. Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 30 июня 2015 г. № 30) (Доступ из СПС «КонсультантПлюс»).

²⁰ См., напр.: *Постановление* Михайловского районного суда Амурской области от 7 июля 2020 г. по делу № 1-90/2020 // Судебные и нормативные акты РФ. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/mCT4myCgBTN1/> (дата обращения: 05.03.2024); *Постановление* Курганского городского суда Курганской области от 11 янв. 2019 г. по делу № 1-108/2019 // Судебные и нормативные акты РФ. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/B1w8TpCfncIP/> (дата обращения: 05.03.2024).

в общем доступе в сети «Интернет», ее массовая рассылка абонентам по электронной почте или при помощи мобильной связи и т. п.)²¹, что, в свою очередь, приводит к постановке вопроса о месте совершения такого преступления.

В юридической доктрине выдвинуто мнение о том, что при неоднократных действиях лица в рамках единого продолжаемого преступления место его совершения следует определять по последнему эпизоду преступной деятельности [15, с. 59]. «Это место, – поясняют А. В. Смирнов и К. Б. Калиновский, – определяется территорией, на которой совершено последнее деяние, охватываемое объективной стороной состава преступления, вне зависимости от места наступления преступных последствий»²². Такое же мнение встречается в судебной практике. Например, «местом совершения преступления, – указала Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда РФ в одном из судебных решений, – признается место окончания его совершения, т. е. место совершения последних действий, образующих объективную сторону состава преступления»²³, в другом судебном решении отмечено: «По общему правилу под местом совершения преступления понимается место, где преступное деяние было пресечено либо окончено»²⁴.

Объяснения причин этого мнения не находим, но, как можно предположить, оно продиктовано давно известным в теории и практике уголовного права воззрением на фактический момент окончания продолжаемого преступления (соверше-

ние последнего из тождественных действий), с которым связывается конечная темпоральная граница общественно опасного деяния в целом, датирующая, в свою очередь, начало исчисления срока давности уголовного преследования и учитываемая при применении амнистии²⁵.

Однако это воззрение не колеблет общего понимания времени совершения продолжаемого преступления, которое определяется периодом, начинающимся с момента совершения первого деяния из числа нескольких тождественных деяний и заканчивающимся совершением последнего из таких деяний. Поэтому, если в решении вопроса о месте совершения преступления исходить из времени его совершения, то нет оснований ограничивать выдвинутым подходом место совершения продолжаемого преступления, территориальные границы которого определяются местами совершения всех тождественных деяний, образующих объективную сторону этого преступления.

Применительно к задаче определения территориальной подследственности и подсудности уголовных дел правильной представляется следующая логика решения вопроса о месте совершения преступления. Например, по уголовным делам об убийстве, которое считается оконченным преступлением с момента наступления смерти потерпевшего, «время наступления смерти, как и место ее наступления, никоим образом не окажут влияния на определение времени совершения преступления и места его совершения, а значит, на территориальные подследственность и подсудность

²¹ *Шарапов Р. Д.* Квалификация преступлений, совершенных с использованием информационно-телекоммуникационных сетей // *Законность*. 2024. № 3. С. 37.

²² *Смирнов А. В., Калиновский К. Б.* Уголовный процесс : учеб. / под общ. ред. А. В. Смирнова. 5-е изд., перераб. М. : Норма : ИНФРА-М, 2012. С. 404.

²³ *Определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 14 сент. 2009 г. № 84-О09-53* // Бюл. Верхов. Суда Рос. Федерации. 2010. № 6. С. 14–15.

²⁴ *Кассационное определение Кассационного военного суда от 27 апр. 2023 г. № 77-150/2023*. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

²⁵ См. п. 6 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 12 декабря 2023 г. № 43 «О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о делящихся и продолжаемых преступлениях» (Доступ из СПС «КонсультантПлюс»).

уголовного дела» [16, с. 70]. При этом положения закона о начале и окончании преступления (ч. 2 ст. 32, ч. 2 ст. 152 УПК РФ) относятся к совершаемым действиям (бездействию) виновного, а не к наступившим последствиям, т. е. эти положения по смыслу территориальной подследственности и подсудности определяют место окончания преступления именно как место окончания общественно опасного деяния, а не как место наступления его общественно опасных последствий. Иное толкование данных положений, в том числе с опорой на ч. 1 ст. 29 УК РФ, приводило бы к тому, что подследственность и подсудность уголовных дел о преступлениях с материальным составом определялись бы местом наступления последствий [16, с. 72], что создавало бы противоречие между предписаниями чч. 1 и 2 ст. 32 УПК РФ (чч. 1 и 2 ст. 152 УПК РФ) [11, с. 5] и лишало бы юридического смысла общее правило, предусмотренное в частях первых ст.ст. 32 и 152 УПК РФ.

Вышеупомянутое мнение о том, что место продолжаемого преступления нужно определять по месту совершения последнего противоправного деяния, содержит подмену понятий, ибо местом последнего деяния, коль скоро оно фиксирует место окончания преступления в целом, в действительности определяется не место преступления, а место производства предварительного расследования и рассмотрения уголовного дела судом. В такой интерпретации, если представленному мнению находить объяснение исключительно с позиции специально-отраслевого подхода, ориентированного на достижение служебных целей, в частности, решение задачи определения территориальной подследственности и подсудности уголовных дел, имеются основания для того, чтобы принять выдвинутое мнение в качестве

правила для решения соответствующей уголовно-процессуальной задачи. Оно согласуется с вышеупомянутой позицией Пленума по вопросу о месте совершения длящегося административного правонарушения, которое, как известно, обладает темпоральным сходством с правонарушением продолжаемым, в том числе продолжаемым преступлением. Напомним, что местом совершения противоправного деяния, носящего длящийся характер, признается место окончания противоправной деятельности, ее пресечения. Однако нужно учитывать, что, в отличие от административно-деликтного законодательства, УПК РФ при регламентации правил территориальной подследственности и подсудности различает понятия «место совершения преступления», «место начала преступления» и «место окончания преступления». В судебной практике по уголовным делам о хищениях безличных и электронных денежных средств при определении территориальной подсудности встречаются решения, в которых указанному различию не придается значение: место совершения преступления отождествляется с местом его окончания²⁶. Место фактического окончания длящегося преступления, фиксируемое местом прекращения непрерывно совершаемого преступления, а также место окончания деяния в составе продолжаемого преступления, фиксируемое местом совершения последнего противоправного деяния (независимо от места наступления общественно опасного последствия как результата нескольких деяний), соответствуют понятию «место окончания преступления», что позволяет при определении подследственности и подсудности руководствоваться не общим правилом (в зависимости от места совершения преступления – ч. 1 ст. 32, ч. 1 ст. 152 УПК РФ), а специальным правилом (в зависимости

²⁶ См., напр.: Апелляционное постановление Верховного суда Республики Адыгея от 17 марта 2022 г. № 22-112/2022 ; Постановление Седьмого кассационного суда общей юрисдикции от 26 апр. 2023 г. № 77-1711/2023. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

от места окончания преступления – ч. 2 ст. 32, ч. 2 ст. 152 УПК РФ).

Таким образом, местом совершения единого киберпреступления, объективная сторона которого выразилась в совершении нескольких противоправных действий, разделенных между собой как темпорально, так и территориально, надлежит считать место совершения каждого из указанных действий. При этом такое преступление с уголовно-процессуальной точки зрения следует считать «начатым в одном месте, а оконченным в другом месте», что определяет подследственность и подсудность уголовного дела по «месту окончания преступления» (понимаемого не в уголовно-правовом, а в уголовно-процессуальном смысле), т. е. по месту совершения последнего деяния, входящего в объективную сторону состава преступления (ч. 2 ст. 32, ч. 2 ст. 152 УПК РФ).

Например, вопрос о том, что считать местом совершения неоконченного с уголовно-правовой точки зрения единого киберпреступления, объективная сторона которого складывается из нескольких противоправных действий, совершённых субъектом в разных местах (предположим, что это предпринимаемые с использованием телефонной связи из разных мест неоднократные попытки виновного обмануть потерпевшего для завладения безналичными деньгами), с позиций уголовно-процессуального права должен решаться исходя из того, что таким местом признаются территории, на которых совершены все противоправные действия. Однако подследственность и подсудность по уголовному делу о таком преступлении будут определяться местом его окончания, т. е. тем местом, в котором субъектом совершено последнее противоправное действие.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Решение вопроса о юридическом понятии места совершения преступления может быть найдено в рамках одного из двух

подходов: специально-отраслевого (понятие вырабатывается применительно к тем задачам, которые соответствующая отрасль связывает с данным вопросом) и общепотраслевого (предполагает выработку унифицированного понятия, применимого для решения задач любой отраслевой принадлежности).

Любой из подходов предполагает выработку понятия места совершения преступления на основании юридической фикции, т. е. место совершения преступления формально-юридически будет привязано к месту территориальной локализации какого-то одного из признаков состава преступления (обычно это место совершения деяния и (или) место наступления общественно опасного последствия).

С учетом разъяснений Пленума Верховного Суда РФ в судебной практике превалирует понимание того, что место совершения преступления определяется временем его совершения (ч. 2 ст. 9 УК РФ). Местом совершения преступления надлежит считать то место, в котором совершено общественно опасное действие (бездействие), независимо от места наступления последствий.

Местом совершения единого киберпреступления, объективная сторона которого выразилась в совершении нескольких противоправных действий, разделенных между собой как темпорально, так и территориально, надлежит считать место совершения каждого из указанных действий. При этом такое преступление с уголовно-процессуальной точки зрения следует считать «начатым в одном месте, а оконченным в другом месте», что определяет подследственность и подсудность уголовного дела по «месту окончания преступления» (понимаемого не в уголовно-правовом, а в уголовно-процессуальном смысле), т. е. по месту совершения последнего деяния, входящего в объективную сторону состава преступления (ч. 2 ст. 32, ч. 2 ст. 152 УПК РФ).

Список литературы

1. Багаутдинов Ф. Н., Журба С. М. Актуальные проблемы определения территориальной подследственности мошенничеств, совершаемых с использованием современных средств связи // Уголовное право. 2019. № 3. С. 96–100.
2. Лукинов А. С. Место расследования телефонного мошенничества // Законность. 2014. № 9 (959). С. 43–44.
3. Фрост С. М., Федосов А. Е. Проблемы определения места расследования мошенничества с использованием электронных форм платежей // Законность. 2015. № 1 (963). С. 51–53.
4. Францифоров Ю. В. Определение места совершения телефонного мошенничества // Законность. 2016. № 2 (976). С. 51–53.
5. Степанов П. П., Грибанова Д. В. Место совершения хищения безналичных денег и территориальная подсудность уголовного дела // Уголовное право. 2023. № 9 (157). С. 49–62. DOI: https://doi.org/10.52390/20715870_2023_9_49
6. Белобородов В. Б. Территориальный принцип действия уголовного закона: место совершения преступления как место наступления общественно опасных последствий // Вестник Московского университета. Серия 11: Право. 2018. № 3. С. 89–101.
7. Ильина А. И. Правила действия уголовного закона в пространстве (сравнительно-правовое исследование) : моногр. М. : Юрлитинформ. 2012. 208 с.
8. Пикуров Н. И. К вопросу о пространственных пределах уголовно-правовой юрисдикции // Уголовное право: стратегия развития в XXI веке : материалы X междунар. науч.-практ. конф. (Москва, 24–25 янв. 2013 г.). М. : Проспект, 2013. С. 123–128.
9. Тимошенко Ю. А. Место совершения преступления: уголовно-правовой и процессуальный аспекты // Законность. 2015. № 7 (969). С. 37–39.
10. Бойцов А. И. Действие уголовного закона во времени и пространстве. СПб. : Изд-во СПбГУ, 1995. 257 с.
11. Архипов А. В. Проблемы определения места совершения мошенничества в отношении безналичных денежных средств // Уголовное право. 2016. № 3. С. 4–10.
12. Щепельков В. Ф. Уголовный закон: преодоление противоречий и неполноты / под ред. Н. И. Пикурова. М. : Юрлитинформ, 2003. 416 с.
13. Буз С. И. Киберпреступления: понятие, сущность и общая характеристика // Юристы-правоведы. 2019. № 4 (91). С. 78–82.
14. Гузеева О. С. Действие Уголовного кодекса России в отношении интернет-преступлений // Законы России: опыт, анализ, практика. 2013. № 10. С. 15–19.
15. Есаков Г. А. Место совершения преступления при хищении: новый подход судебной практики // Уголовное право. 2023. № 3 (151). С. 54–60. DOI: https://doi.org/10.52390/20715870_2023_3_54
16. Павлюченко Ю. В. Место совершения преступления и момент его окончания по делам о мошенничестве в отношении безналичных денежных средств // Уголовное право. 2018. № 2. С. 69–78.

References

1. Bagautdinov F. N., Zhurba S. M. Actual Problems of Determining the Territorial Jurisdiction of Frauds Committed Using Modern Means of Communication. *Criminal Law*. 2019;3:96-100. (In Russ.)
2. Lukinov A. S. The Site of Investigation of Wire Fraud. *Zakonnost Journal*. 2014;9:43-44. (In Russ.)
3. Frost S. M., Fedosov A. Ye. The Problems of Determination of a Place of Investigation of Fraud Committed With Usage of Electronic Payments. *Zakonnost Journal*. 2015;1:51-53. (In Russ.)
4. Frantsiforov Yu. V. Location of a Telephone Fraud Crime Site. *Zakonnost Journal*. 2016;2:51-53. (In Russ.)
5. Stepanov P. P., Gribanova D. V. Locus Delicti of Theft of Non-Cash Funds and Territorial Jurisdiction of a Criminal Case. *Criminal Law*. 2023;9:49-62. DOI: https://doi.org/10.52390/20715870_2023_9_49 (In Russ.)
6. Beloborodov V. B. Territorial Principle of Criminal Jurisdiction: Place Where the Crime Was Committed as the Place for the Onset of Socially Dangerous Consequences. *Moscow University Bulletin. Series 11. Law*. 2018;3:89-101. (In Russ.)
7. Ilina A. I. *Rules of the Application of Criminal Law in Space (Comparative Legal Study)*. Moscow: Yurlitin-form Publ.; 2012. 208 p. (In Russ.)
8. Pikurov N. I. On the Spatial Limits of Criminal Jurisdiction. In: *Criminal Law: Strategy for Development in the 21st Century*. Moscow: Prospekt Publ.; 2013. P. 123–128. (In Russ.)
9. Timoshenko Yu. A. A Crime Scene: Criminal Law and Procedural Aspects. *Zakonnost Journal*. 2015;7:37-39. (In Russ.)
10. Boitsov A. I. *Application of Criminal Law in Time and Space*. St. Petersburg: St. Petersburg State University Publ.; 1995. 257 p. (In Russ.)
11. Arkhipov A. V. Problems of Detection of a Scene of Fraud Against Non-Cash Funds. *Criminal Law*. 2016;3:4-10. (In Russ.)

12. Shchepelkov V. F. *Criminal Law: Overcoming Contradictions and Gaps*. Moscow: Yurlitinform Publ.; 2003. 416 p. (In Russ.)
13. Buz S. I. Cyber Crimes: Concept, Essence and General Characteristic. *Jurist-Pravoved*. 2019;4:78-82. (In Russ.)
14. Guzeeva O. S. The Criminal Code of the Russian Federation with Regard To Internet Crime. *Laws of Russia: Experience, Analysis, Practice*. 2013;10:15-19. (In Russ.)
15. Esakov G. A. Locus Delicti in Misappropriation: the New Approach in Judicial Practice. *Criminal Law*. 2023;3:54-60. DOI: https://doi.org/10.52390/20715870_2023_3_54 (In Russ.)
16. Pavlyuchenko Yu. V. Crime Scene and Its Commission End-Time on Fraud Cases in Relation To Wire Funds Transfers. *Criminal Law*. 2018;2:69-78. (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Роман Дмитриевич Шарапов, профессор кафедры уголовного права, криминологии и уголовно-исполнительного права Санкт-Петербургского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации (Литейный пр., 44, Санкт-Петербург, 191104, Российская Федерация), профессор кафедры управления следственной деятельности (высшие академические курсы) Санкт-Петербургской академии Следственного комитета Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор; ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9834-1174>; e-mail: srd72@mail.ru

ABOUT THE AUTHOR

Roman D. Sharapov, Professor of the Department of Criminal Law, Criminology and Criminal-Executive Law of the St. Petersburg Law Institute (branch) of the University of Prosecutor's Office of the Russian Federation (44 Liteyny ave., St. Petersburg, 191104, Russian Federation), Professor of the Department of Investigative Activity Management (Higher Academic Courses) of the SK RF SPb Academy, Doctor of Legal Sciences, Professor; ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9834-1174>; e-mail: srd72@mail.ru

Поступила | Received
05.07.2024

Поступила после рецензирования
и доработки | Revised
13.09.2024

Принята к публикации | Accepted
17.09.2024